

НОВЫЙ ГОД НА КАНАТЧИКОВОЙ ДАЧЕ

Спать, рождественский гусь,
отвернувшись к стене,
с темнотой на спине,
разжигая, как искорки бус,
свой хрусталик во сне.

Ни волхвов, ни осла,
ни звезды, ни пурги,
что младенца от смерти спасла,
расходясь, как круги
от удара весла.

Расходясь будто нимб
в шумной чаще лесной
к белым платьям нимф,
и зимой, и весной
разрезать белизной
ленты вздувшихся лимф
за больничной стеной.

Спи, рождественский гусь.
Засыпай поскорей.
Сновидений не трусь
между двух батарей,
между яблок и слив
два крыла расстелив,
головой в сельдерей.

Это песня сверчка
в красном плинтусе тут,
словно пенье большого смычка,
ибо звуки растут,
как сверканье зрачка
сквозь большой институт.

«Спать, рождественский гусь,
потому что боюсь
клюва — возле стены
в облаках простыни,

рядом с плинтусом тут,
где рулады растут,
где я громко пою
эту песню мою».

Нимб пускает круги
наподобье пурги,
друг за другом вослед
за две тысячи лет,
достигая ума,
как двойная зима:
вроде зимних долин
край, где царь — инсулин.

Здесь, в палате шестой,
встав на страшный постой
в белом царстве спрятанных лиц,
ночь белеет ключом
пополам с главврачом

ужас тел от больниц,
облаков — от глазниц,
насекомых — от птиц.

январь 1964